

HARLEQUIN®

109

Дара Темпл

ОКОВОЙ
ПОЦЕЛУЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Лара Темпл
Роковой поцелуй

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Темпл Л.

Роковой поцелуй / Л. Темпл — «Центрполиграф»,
2018 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09040-9

Оливия – богатая наследница, младший ребенок и единственная девочка в семье. Она с детства привыкла манипулировать братьями и добиваться своих целей, поэтому ей не трудно привлечь внимание лорда Лукаса Синклера. Тот с удивлением узнает о ее необычной любви к различного рода расследованиям, одно из которых задевает интересы клана Синклеров, красавцев и коварных соблазнителей. Скандальное прошлое Оливии, «сбежавшей» невесты, и сомнительная репутация Лукаса и отталкивают, и притягивают молодых людей друг к другу. Лукас уже чувствует себя очарованным. Уловки незаурядной девушки с каждым днем все более распалют страсть недоверчивого лорда.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-09040-9

© Темпл Л., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лара Темпл Роковой поцелуй

The Earl's Irresistible Challenge

© 2018 by Lana Treston

«Роковой поцелуй»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Глава 1

Кровь стучала в ушах у Оливии; ей казалось, что звук гулким эхом разносится по пустой церкви Святой Маргариты.

Она намеренно выбрала час, когда в соборе будет меньше народу, но не ожидала, что окажется единственной посетительницей. Кроме того, внутри было темно. Лишь несколько сальных свечей коптели в подсвечниках; язычки пламени дрожали – зал продувался сквозняками со всех сторон.

Конечно, если она закричит, кто-нибудь ее услышит... или нет? И пусть Ханс-таун – не самая фешенебельная часть Лондона, квартал здесь вполне почтенный. А может быть, все-таки лучше всего подобрать юбки и бежать?

Поздно.

Стук сапог по плитам совпадал с ударами ее сердца. Из темноты в дальнем конце нефа вышел мужчина; полы плаща развевались у него за спиной, как крылья. Оливия решила, что прозвище Синклер-соблазнитель ему очень подходит. Хотя она знала, что прозвище основано на его совсем не безупречной репутации, но, пока он быстро и плавно приближался к ней, она успела разглядеть его красивые волосы цвета воронова крыла и гордое, непримиримое выражение лица.

– Лорд Синклер, спасибо, что пришли, – сказала она, когда он остановился в нескольких шагах от нее и достал из кармана лист бумаги.

– Не благодарите, это не светский визит. Значит, эту странную записку прислали мне вы?

– Да. Лорд Синклер...

– Что вы хотите и какого дьявола выбрали такое неподходящее место для встречи?

– Мне оно подходит. Лорд Синклер, я...

– Я не заметил на улице другого экипажа. Как вы сюда попали?

Оливия ненадолго закрыла глаза. Разговор еще толком не начат, а она уже проигрывает по всем статьям...

– Да какое это имеет значение? Лорд Синклер, я...

– Это имеет значение, потому что я предпочитаю заранее знать, что меня ждет, когда отправляюсь в глушь на встречу с глупой девицей в пустой церкви! Если вы намерены каким-то образом заманить меня в ловушку, предупреждаю: вы сильно ошиблись с жертвой...

После того как первое замешательство прошло, Оливия не сумела удержаться от смеха.

– Вы считаете, будто я заманила вас сюда, чтобы поймать в ловушку?! Ну и тщеславны же вы!

Он прищурился, и Оливия мысленно укорила себя за длинный язык. Учитывая все обстоятельства дела, не стоило насмеяться над ним.

– Лорд Синклер... – в который раз начала она и замялась: она заранее продумала четкий план разговора, но все пункты ее списка смешались под взглядом его черных глаз. – Лорд Синклер...

– Я знаю, как меня зовут, – раздраженно заметил ее визави. – Прекрасно знаю. Хватит повторять одно и то же, черт побери, переходите к делу.

– У меня есть сведения о вашем отце.

Сквозняк снова раздул полы его плаща; ее тонкая накидка не спасала от холода, и она невольно вздрогнула. Он ответил не сразу. Оливия заметила, что на смену раздражению пришла довольно язвительная улыбка.

– У меня тоже есть о нем немало сведений, причем почти все они неблагоприятные. Так что же?

– Я получила сведения, которые... вызывают некоторые вопросы относительно обстоятельств его смерти. Возможно, с ним обошлись несправедливо.

Ответом ей послужил лишь слабый свист ветра, который проникал внутрь сквозь трещины в высоких окнах.

Кутаясь в накидку, она ждала ответа.

– Снимите вуаль.

Она подняла густую вуаль, прикрепленную к шляпке, и смело заглянула в его черные глаза. Он же смотрел на нее с насмешливым презрением.

– В самом деле юная девица, но, судя по всему, не глупая. И что вы хотите в обмен на ваши так называемые сведения?

– Это зависит от многого... – не сразу ответила Оливия.

– Не слишком умный подход к ведению переговоров. Вам следовало прийти сюда, ясно представляя, во сколько вы оцениваете свою ложь. Или чего я, по-вашему, стою.

– Именно последнее я в настоящий момент и пытаюсь понять.

Он рассмеялся, но его низкий, бархатистый смех никак не успокоил ее расшатанные нервы.

– Вам нужен список моих активов? Позвольте заметить, милочка, что вы – самая неумелая шантажистка из всех, которые встречались на моем жизненном пути, а их, поверьте, было немало.

– Я имела в виду не вашу финансовую состоятельность, – холодно ответила она, отметив, что с ним не просто иметь дело.

– Мне в голову приходит лишь еще один аспект, в котором я представляю ценность. Но здесь холодновато для этого, какой бы соблазнительной ни была наживка. Однако, если вам угодно, снаружи меня ждет карета.

– Нет, мне не угодно! – воскликнула Оливия, не в силах удержаться от раздражения.

Неужели он не может хоть минуту помолчать и дать ей подумать? Его называли бездушным эгоистом, но она все же рассчитывала, что он проявит чуть больше интереса к ее словам. Неужели ему в самом деле все равно? Если так, продолжать нет смысла. Но ей очень нужна помощь. Мерсер, ее поверенный, – настоящее сокровище, но ему необходимо давать точные указания, а она уже не знала, что делать дальше.

– Вы уверены? Вы обладаете определенным обаянием, и я не возражал бы против того, чтобы понять, как далеко вы способны зайти...

– Ах, пожалуйста, помолчите немного и дайте мне подумать! Я и понятия не имела, что вы окажетесь таким провокатором!

По крайней мере, ее слова стерли с его лица насмешку. Она ждала, что он разозлится, и снова пожалела, что вовремя не прикусила язык, но он просто взял ее за локоток и развернул к выходу.

– Пойдемте со мной.

– Нет! Пустите меня!

Ее замешательство сменилось страхом. Она вырвала руку. Он поднял обе свои вверх и сделал шаг назад.

– Успокойтесь. Я не собираюсь ничего делать, просто здесь холодно, как у ведьмы в... Здесь очень промозгло, и мне не улыбается стоять на сквозняке в пустой церкви и обсуждать свои семейные дела. Кроме того, пока вы тут думаете и решаете, как лучше вытянуть у меня деньги, кто-нибудь любопытный может подслушать важные подробности... А поговорить мы можем и в моем экипаже. Если не хотите – что ж, спокойной ночи.

Лорд Синклер говорил хладнокровно, но, судя по тому, как решительно он направился к выходу, лорд считал, что говорить больше не о чем. Оливия смотрела ему в спину с ненавистью,

какой сама от себя не ожидала. Искушение запрокинуть голову и завывать было так велико, что она почти слышала собственный голос, который эхом отражается от стен.

Она решительно вздохнула, опустила вуаль и зашагала за лордом Синклером.

Выйдя из церкви, она сначала ничего не увидела в темноте и с ужасом подумала, что он уже уехал. Потом разглядела экипаж в переулке, ведущем к церкви. Подходя ближе, она не видела лица под широкополой шляпой, но догадывалась, что новый знакомый пристально наблюдает за ней.

Не произнося ни слова, он распахнул перед ней дверцу экипажа.

Должно быть, она сошла с ума, раз собирается сесть в крытый экипаж с одним из Синклеров-соблазнитель. Сошла с ума, доведена до отчаяния или просто дура. И хотя она, возможно, последняя дура, что-то в его голосе, даже в его насмешках немного ее успокоило. И все же...

– Лорд Синклер, может быть, мы могли бы...

Он вздохнул, первым забрался внутрь и захлопнул за собой дверцу.

Неожиданно для себя она схватилась за дверцу и дернула. Сначала дверца не поддавалась: видимо, он держал ее изнутри. Когда дверца распахнулась, она заглушила угрызения совести и, подобрав юбки, последовала за ним. Сев, она поспешила отодвинуться в угол. Он швырнул ей плед.

– Не шипите, как кошка, которую бросают в воду! Вот, укройтесь, а то замерзнете. В такую погоду от вашей накидки толку не больше, чем от носового платка. Итак, у вас десять минут на то, чтобы рассказать, что вы от меня хотите, и уйти.

Она сцепила руки и наконец приступила к заранее заготовленной речи.

– Недавно умер мой крестный Генри Пейтон. Констебля вызвала некая вдова по имени Марша Пендл; она назвалась любовницей Генри и сказала, что он умер, когда... в общем... находился в постели. Однако я знаю, что та женщина – вовсе не благородная вдова, за которую она себя выдает. Она куртизанка из одного... сомнительного заведения на Кэрт-стрит. Ей хорошо заплатили, чтобы она дала такие показания констеблю на дознании. Хотя я сама не знаю почему, я точно уверена, что она не была любовницей моего крестного.

– Вот как? Ваши чувства и ваша наивность делают вам честь. Но каким образом это пусть и отвратительное, но вполне обыденное происшествие связано с моим отцом?

– Напрямую не связано. По крайней мере, пока я такой связи не вижу. Но среди вещей крестного, которые нашли в его съемном доме, оказалась связка писем двадцатилетней давности, написанных ему неким мистером Говардом Синклером. К письмам приложена записка Генри, в которой говорится: «Если это правда, с Говардом Синклером обошлись несправедливо и что-то необходимо предпринять». Под этими словами стоит имя Джаспер Септимус, подчеркнутое несколько раз. Не знаю, есть ли связь между запиской, смертью крестного и ложью Марши Пендл. Судя по всему, в переписке речь идет о делах; кроме того, я понятия не имею, кто такой Джаспер Септимус. Наверное, мой рассказ кажется вам несвязным, но мне показалось, что я должна поставить вас в известность. Возможно, вам удастся пролить свет на эту историю.

Лорд Синклер по-прежнему слушал ее с тем же насмешливым выражением, с каким прежде пытался от нее отделаться. Он как будто смотрел посредственную, но увлекательную пьесу. Потом он скрестил руки на груди и опустил голову. Возможно, из-за того, что Оливия очень устала, его белый жилет показался ей белым треугольником на шее ее любимца волкодава. Вот только, несмотря на огромные размеры и клыки, Хват ее несколько не пугал...

Наконец он заговорил:

– Надо отдать вам должное, фантазия у вас богатая. Давайте проверим, правильно ли я понял ваш сюжет, достойный того, чтобы его представили на сцене. Точнее, целых два сюжета. В первом кто-то хорошо заплатил шлюхе, чтобы она солгала в суде и заявила, что была любов-

ницей вашего крестного. Видимо, кому-то очень хотелось скрыть обстоятельства его смерти, по меньшей мере унижительные. Второй сюжет: ваш крестный неизвестно почему интересуется прошлым и на основе слов некоего Джаспера Септимуса приходит к поразительному выводу, что с моим отцом якобы обошлись несправедливо. Вы считаете, что данный вывод каким-то образом связан с его позорной кончиной. Я верно изложил ваши измышления?

Хотя Оливия сразу поняла, что новый знакомый – человек хладнокровный, она ожидала услышать хоть что-то в его голосе, когда он говорил о смерти отца. Она не услышала ничего: ни дрожи, ни перемены интонации.

– То, что вы слышали, не измышления, а правда.

– О, надеюсь, вы сами понимаете, что ваш рассказ немного стоит. Перед нами явно не разговор с целью убийства, который замыслился не один десяток лет назад. Скорее всего, либо вы, либо та особа пытаетесь вытянуть из меня деньги. Вам показалось, что я лелею сентиментальную надежду больше узнать о постыдных обстоятельствах ухода моего предка из этого мира. Позвольте вас заверить, что такой потребности у меня нет. Более того, вы, наверное, уже поняли, что я – человек несентиментальный.

– Милорд, вы не обращаете внимания на последствия.

– В самом деле? Объясните. Признаю, мне любопытно, что еще способен сочинить ваш необычный ум. Вам известно, что вы – очень странная девочка?

– Я не девочка. Мне почти двадцать четыре года! – Выпалив это признание, она тут же пожалела о своей несдержанности, поскольку в его глазах заплясали веселые огоньки.

Он нарочно ее дразнил, и она каждый раз попадалась к нему на крючок. Она рассчитывала, что будет управлять ходом их встречи, и все же позволила ему взять бразды правления с той минуты, когда он вошел в церковь. Оливия сняла плед и положила рядом с собой на сиденье.

– Спокойной ночи, лорд Синклер. Я больше не намерена тратить ваше драгоценное время. Вас явно не интересует то, что я хочу сказать.

И снова он опередил ее. Хотя она находилась ближе к дверце кареты, ей не удалось даже дотянуться до ручки.

– Не играйте со мной, – тихо сказал он. – У вас ничего не получится. У вас осталось пять минут.

– Тогда слушайте, а не... раздражайте меня! То, что я собираюсь вам сказать, очень важно для меня, а вы постоянно... – Голос у нее дрогнул; чтобы не расплакаться, она замолчала; ее пробирала дрожь от холода и усталости, сказались и напряжение, и страх.

Не говоря ни слова, он побарабанил пальцами по стенке, и экипаж тронулся с места. Оливия возмущенно ахнула и снова потянулась к дверце, но он вытянул руку, препятствуя ей.

– Успокойтесь. Я вас не трону и довезу, куда пожелаете, как только мы поговорим. Но хотя мне все равно, что вы скажете, лошади мне безразличны; я не позволю им долго стоять на таком морозе. Все понятно?

Она устало кивнула.

– Вот и хорошо. Итак, ваше имя?

– Оливия. Оливия Силвердейл.

– Оливия Силвердейл... Звучит так же странно, как ваш рассказ. Итак, сначала. Кто такая Марша Пендл и как вы ее нашли? – Он заговорил отрывисто и деловито. – Наверное, она служит в заведении на Кэтт-стрит?

Оливия состроила презрительную гримасу. Очевидно, ее собеседник хорошо разобрался в лондонских борделях.

– Она называет себя Женевьевой, и родом она из Норфолка.

Он коротко качнул головой, но в его жесте не было отрицания, только сосредоточенное замешательство. Он по-прежнему внимательно наблюдал за ней. После того как злость и раздражение прошли, он смягчился, хотя по-прежнему чрезвычайно раздражал ее.

– Значит, Марша Пендл – Женестьева. Как и почему вы выследили ее и с какой стати она рассказала, что была замешана в смерти вашего крестного?

– С такой, что мой поверенный нанял сыщика с Боу-стрит, некоего мистера Макгайра. Он присутствовал на дознании относительно обстоятельств смерти моего крестного. По его словам, Марша убедительно рассказывала о долгой связи; якобы они регулярно встречались в съемном доме, где он умер. После того как дознание закончилось и Марша Пендл вышла на улицу, сыщик проследил за ней и после тактичных расспросов выяснил, кто она такая на самом деле и каков род ее занятий. Кроме того, он узнал, что женщина очень суеверна и каждую неделю посещает цыганку-гадалку в квартале Бишопс-гейт; правда, она такая же цыганка, как Марша француженка. Гадалку зовут Сью Дэвис, и она из Кардиффа. Поэтому я отправилась к мисс Дэвис...

– Вы ходили в Бишопсгейт к гадалке?

– Да. После того как мы с ней немного побеседовали и пришли к взаимопониманию, я заплатила Цыганке Сью, как она себя называет, чтобы та велела Марше сходить к оккультистке.

– К кому?! – переспросил он.

Язвительность целиком ушла из его голоса. Теперь она различала лишь веселое потрясение.

– Разве вы никогда не слышали об оккультистах? Последнее время они весьма популярны. Многие хотят пообщаться с умершими близкими, которые пребывают в ином мире. Как бы там ни было, Цыганка, точнее, Сью Дэвис, сообщила, что Марша буквально одержима человеком по имени Джордж, которого, видимо, очень любила. Она даже просила Сью...

– Погодите минутку... А, ладно, ничего. Вопросы поберегу на потом.

– Благодарю вас. Итак, я попросила моего поверенного снять дом в скромном квартале, где вполне может обитать такая оккультистка. Сью Дэвис помогла мне, так сказать, создать соответствующий антураж. Как и Марша Пендл, она когда-то была актрисой и оказалась очень полезной – она раздобыла необходимые детали гардероба и реквизита. Потом она направила Маршу Пендл ко мне, а я, прикинувшись оккультисткой, расспросила ее об отношениях с Генри.

– Боже правый! У вас просто потрясающее воображение. Итак, теперь мы имеем сговор между замаскированной оккультисткой из Йоркшира, французской мадам из Норфолка и поддельной цыганкой из Уэльса. Очаровательно! Продолжайте.

– Как вы догадались, что я из Йоркшира?

– Всегда хорошо различал особенности выговора. Продолжайте!

– Что ж, отлично. Во время сеанса Марша Пендл рассказала, что никогда в жизни не только не была любовницей моего крестного, но даже и не видела его.

Лорд Синклер снова поднял руку.

– Рассказала... Неужели шлюха и опытная шантажистка сообщила вам ценные сведения просто так? Вы спросили, и она ответила?

– Не совсем. Я уже говорила, что она очень суеверна. Я сказала, что тип, с которым она хочет связаться, не может прийти к ней из потустороннего мира, пока она не покается в грехах и не очистит душу. Разумеется, я не показывалась ей в своем настоящем виде, я закрыла лицо плотной вуалью и надела довольно вульгарное платье, которым меня снабдила Сью.

– Понятно, – медленно ответил он. – Очевидно, я верно оценил вашу буйную фантазию. Насколько я понимаю, вы вовсе не требовали, чтобы Марша Пендл покаялась во всех грехах. Вас интересовала лишь ее ложь относительно вашего крестного.

– Да... есть разные степени падения.

– Совершенно верно. Итак, вернемся к вашим открытиям. Насколько я понял, вы заинтересовались, кто заплатил ей, чтобы она солгала на дознании.

– Конечно. Именно там я наскочила на мель. Она, правда, сказала, что фамилия человека, который ей заплатил, – Элдрич. Однако общение с Джорджем так расстроило ее, что под конец она истерически разрыдалась. Я испугалась и прервала сеанс. Пришлось сказать, что Джорджа срочно позвали назад, но мы можем попробовать еще раз связаться с ним через несколько дней, когда она успокоится.

– И она согласилась?

– Очевидно, Джордж при жизни терпеть не мог плачущих женщин, так что мои слова лишь укрепили ее веру в мои силы. Теперь вы понимаете, что мне очень нужно выяснить, кто такой этот мистер Элдрич? Мистер Мерсер ничего не сумел узнать, и я оказалась в тупике.

– Вы меня удивляете. Но прежде чем мы перейдем к мистеру Элдричу, удовлетворите мое любопытство. Как вы вообще поняли, что Марша Пендл не была любовницей вашего крестного?

– Просто поняла, и все. И оказалась права.

– А, интуиция!

Язвительная интонация вернулась, и Оливия вздрогнула. Она рассказала ему достаточно. Пора понять, поможет он ей или сейчас просто забавляется, обращаясь с ней как с ярмарочной уродкой.

– Так вы мне поможете или нет?

– С чем помочь?

– Помогите узнать, кто такой Элдрич и почему он заплатил, чтобы она опозорила имя моего крестного! Кроме того, надо выяснить, не связан ли он с подозрениями Генри относительно смерти вашего отца.

– Зачем?

– Как – «зачем»?! – Она всплеснула руками. – Затем, что я, например, не собираюсь сидеть сложа руки, когда кто-то губит чужую жизнь! Моя крестная, миссис Пейтон, потрясена. Ей больно не только из-за потери самого чудесного человека, какого я знала, но и из-за того, что он, оказывается, ей изменял! Я хочу узнать, кто за всем стоит, и заставить злоумышленников заплатить за то горе, какое они причинили Пейтонам. Но я не могу достичь своей цели в одиночку. Вот зачем!

Слушая ее пламенную речь, Лукас с трудом удержался от тяжелого вздоха. Жаль, что он уступил своему любопытству. Надо было сразу бросить записку в огонь. Будь у него хоть капля здравомыслия, он не стал бы даже слушать странную девицу. Она или сумасшедшая, или очень ловкая лгунья, а у него нет времени участвовать в такой ерунде. Он и так опаздывает на встречу с дядей в Военном министерстве. Но, как всегда говорил ему брат Чез, скорее всего, любопытство его погубит. Конечно, Чез просто иронизировал, ведь он и сам такой же.

На миг он подумал, не отвезти ли новую знакомую к дяде. Освальд сразу разберется в ее измышлениях и, возможно, изобличит обманщицу. Хотя Освальд и сам заражен любопытством, его невозможно поколебать сентиментальностью. Обычно то же самое можно было сказать и про Лукаса. Однако, когда Лукас слышал о смерти отца, ему по-прежнему становилось не по себе. Он редко испытывал угрызения совести, но, как только она произнесла роковые слова, он смутился. Совсем немного, но достаточно. Он не может устраниваться, хотя бы не попытавшись понять, что происходит. Значит, он должен узнать природу странного создания, которое сидит напротив.

Хотя и не сегодня. Голос и манеры выдавали в собеседнице девицу из хорошей семьи. Каждая лишняя минута, проведенная ночью наедине с такой девушкой, грозила последствиями, которые его совсем не радовали.

– Где вы живете?

– А что?

– Как мне ни хочется, я не могу бросить вас в темноте посреди Лондона. Полагаю, у вас есть крыша над головой. Хотя ваш рассказ и фантастичен, но выглядите вы обескураживающе земным существом.

Впервые она отвела глаза в сторону. Лукас понял: сейчас она солжет, что было само по себе интересным.

– На Спиннер-стрит.

– На Спиннер-стрит? То есть за углом от той церкви, куда вы меня позвали?

– Да.

– Все чудеснее и чудеснее. Неужели этот жалкий квартал облюбовали оккультисты? В каком доме вы устраиваете свой маскарад?

– В доме номер 15. Но... Ваши слова означают, что вы мне не поможете? – спросила она, когда он постучал по стенке экипажа, тот остановился на пустой улице, и вниз, следуя его приказу, прыгнул форейтор.

– Мисс Силвердейл, мои слова означают, что вам пора спать. Я подумаю над тем, что вы мне рассказали. А больше я пока ничего не могу вам обещать.

Выражение ее лица снова изменилось; она сильно побледнела. Когда в экипаж проник свет газового фонаря, он увидел, что она смотрит на него без всякого выражения. Лукас не спеша рассматривал ее. Ее неподвижное лицо напомнило ему картину на библейский сюжет, которую он когда-то видел в Венеции. Смысл полотна сомнений не оставлял: «Берегитесь! Я охраняю своих близких».

– Какой вежливый способ намекнуть, что вы не собираетесь разгадывать эту головоломку! – заявила она, накидывая капюшон поверх шляпки. – никоим образом не собираюсь забирать ваше драгоценное время, которое можно посвятить более интересным занятиям – например, азартным играм или посещению борделей...

Ее надменный выговор прервался слабым вскриком: он схватил ее за запястье, когда она открывала дверцу. Хотя следовало сохранять хладнокровие и выпустить ее. Если ему нужны дальнейшие доказательства того, что с ней лучше не связываться, их предоставили ее слова.

Лукас решил, что сегодня его терпение испытывали достаточно долго.

– Не нужно ничего говорить за меня... тем более не читайте мне нотаций! Попробуйте еще раз сделать то или другое, мисс Силвердейл, и больше вы меня не увидите. Я сказал, что подумаю, и я подумаю. Пока это все. А теперь вперед, пока я не решил потребовать компенсацию за то, что вы испортили мне приятный вечер. Очень хочется подтвердить ваши худшие подозрения о моем характере. А может, вы того и добиваетесь? Неужели ваши запутанные мысли бегут в таком направлении?

Он легко провел пальцами по ее губам – одновременно проверяя свои подозрения и предупреждая ее об опасности. Губы у нее оказались мягкими и теплыми; когда они шевельнулись, он не смог отвести от них взгляда, и его положение заметно осложнилось. Но прежде чем он успел додумать свою мысль до конца, она отскочила от него так резко, что ударилась о дверцу, и он впервые заметил в ее глазах неподдельный страх – и еще что-то, помимо страха, удивившее его. Отвращение – не совсем обычная реакция на его попытку сближения. Правда, ему еще не приходилось сближаться с юными девственницами из хорошей семьи, а они еще никогда не приглашали его в темную пустую церковь и не рассказывали сказок о том, что мир сделан из сыра и покоится на спине черепахи.

Он распахнул дверцу.

Глава 2

Оливия осматривала интерьер церкви Святого Георгия, улыбаясь дерзости нового знакомого. Возможно, она не до конца оценила хитроумие лорда Синклера, но несомненно понимала: предложив ей встретиться в полдень в этой церкви, он исходил вовсе не из соображений приличия, а лишь иронически напоминал об их первой встрече. Он вполне оправдывал свою репутацию эгоиста.

Целых два дня она не имела от него вестей. Ее и без того скудные надежды таяли, и она погружалась в тоску еще сильнее, чем прежде. Когда утром на Брук-стрит пришла ее старая няня Нора и принесла запечатанный конверт, который, по ее словам, доставил на Спиннер-стрит настоящий лакей, Оливия едва не задохнулась от волнения. Ее радость немного поблекла, когда она прочла записку. Та оказалась краткой: лишь время, место и резкая, отчетливая подпись в виде буквы «С».

– Вы, по крайней мере, пунктуальны.

Его низкий голос послышался совсем рядом; от удивления она вздрогнула. И без того натянутые нервы готовы были пуститься в пляс. Как ему удалось пройти через весь зал так, чтобы она не услышала? Будь он проклят, снова поставил ее в невыгодное положение! Оливия развернулась, стараясь не показать ему, насколько она поражена. Окошки были маленькими, но солнце, проникавшее сквозь зимние облака, находилось прямо над головой, и он купался в его лучах, словно получил небесное благословение. Два дня назад он был для нее просто фигурой в темноте. Теперь она вспомнила слова Цыганки Сью и прекрасно поняла, почему лорда Синклера называют смертоносным соблазнителем. Он оказался не просто красавцем. Его обаяние затягивало; дело было не только в его физической красоте, но и в чем-то другом. В его присутствии она сразу забывала обо всем остальном.

Она заставляла себя собраться с мыслями.

– Лорд Синклер...

– Мисс Силвердейл...

Молчание затянулось. Неожиданно Оливия поняла, что улыбается, сама того не желая. Должно быть, она перенервничала, если учесть, сколько всего поставлено на карту. В ее нынешнем положении нет ничего забавного.

– Лорд Синклер, – повторила она, и в его глазах заплясали веселые огоньки. Уголки его губ тоже приподнялись в улыбке.

Он церемонно поклонился ей, как будто они находились в бальной зале.

– Мисс Силвердейл!

Воспрянув духом, она помахала запиской, которую сжимала в руке, и повторила его слова, которые он произнес во время их прошлой встречи:

– Значит, эту странную записку прислали мне вы?

Он выхватил записку у нее из руки.

– Вы ее помяли. Неужели сосредоточенно изучали ее все утро?

Будь он проклят. Он почти угадал!

– Нет, мне просто пришлось спасти ее от кошки.

– Жаль, что вам пришлось драться из-за меня.

– Скорее из-за адреса. В Лондоне много церквей Святого Георгия; я забыла, какую именно имели в виду вы. Не хотелось посылать горничную в Синклер-Хаус и уточнять адрес, потому что на вашей записке обедала кошка... Я решила, что моя гордость стоит нескольких царапин.

Он сдвинул черные брови.

– Значит, вы именно такая глупая упряmica, как я подозревал. Вам следовало проявить больше осторожности. Кошка в самом деле поцарапала вас?

Увидев, как изменилось выражение его лица, она удивленно заморгала. Ей стало жарко; она надеялась, что не покраснеет. С большим трудом удалось преодолеть собственное раздражение, а он выбивает почву у нее из-под ног совершенно неуместной заботой, основанной на ее глупой выдумке. Оливия покачала головой и поспешила перейти к главному.

– Итак... – Она вздохнула. – Вы согласны мне помочь?

– Нет.

– Вот как... Тогда зачем вы здесь?

– Затем, что два дня назад я встретил молодую женщину, которая выдвигала бредовые предположения, связанные со смертью моего отца. Я сразу сказал вам: я не люблю, когда меня к чему-то принуждают, когда мною управляют, когда мне угрожают или вмешиваются в мою жизнь. Вы же со своими бреднями сделали все вышеперечисленное. Поэтому я пришел сказать: если я узнаю, что вы наводите справки, связанные с моей семьей, я вам помешаю. Я ясно выразился?

– Лорд Синклер, вас можно назвать каким угодно, и многие эпитеты нельзя произносить вслух в приличной компании. Вы не любите, когда вам угрожают? Я тоже не люблю. Если вы собираетесь мне помешать, предлагаю вам начать сегодня же, потому что, кроме вашей утренней записки, я получила письмо от миссис Пендл. Она уверяет, что с нетерпением ждет еще одного сеанса со своим усопшим другом, и на завтра к пяти я пригласила ее на Спиннер-стрит. Так что откровенно предупреждаю: я намерена говорить с ней обо всем, что сочту нужным.

Она направилась к выходу, злясь на него, но гораздо больше на саму себя. Почему его отказ так разочаровал ее? Ей так не терпелось поделиться своими мыслями и догадками с умным человеком! Хотя лорд Синклер кого угодно способен привести в бешенство, он очень умен и, скорее всего, изобретателен. Озабоченность в его голосе и смягчившееся красивое лицо ненадолго усыпили ее бдительность, и она поверила, что этот человек может стать ее союзником.

Что ж, он не ее союзник. Он надменный, тупой, самоуверенный...

– Мисс Силвердейл! Оливия!

Оливия замерла на полпути к экипажу, в котором ее ждала Нора. До чего же не везет! Меньше всего ей хотелось случайно встретиться в Лондоне с Колином, сыном Генри Пейтона.

– Колин! Я думала, ты в Харрогите с мамой и Фиби.

– Приехал посоветоваться с мистером Ратчеттом о завещании. Попробую перезаложить имение. По крайней мере, до тех пор, пока завещание не будет официально утверждено судом... – Голос Колина дрогнул, и Оливия положила руку ему на плечо.

Она знала Колина так же хорошо, как собственных братьев, но никогда еще не видела его таким бледным и удрученным.

– Колин, мне очень, очень жаль. Чем я могу тебе помочь?

– Оливия, я вовсе не собирался тебя расстраивать. Мы еще не при последнем издыхании, хотя мистер Ратчетт по секрету и сказал мне, что сэр Иво давит на банк, чтобы нам отказали в праве выкупа закладной. Однако банкиры не видят необходимости в таких крайних мерах, ведь мы всегда выполняли свои обязательства, а отца он считал своим другом, несмотря на... неприятности. Тем не менее я считаю, что лучше всего будет продать имение и уехать из Джиллингема. Не представляю, как мама вернется туда после всех сплетен. – Он потер лоб рукой. – Я и не думал... Ничего не понимаю. Отец всегда казался таким... надежным. Понятия не имею, почему...

– Я тоже, Колин. Это как-то бессмысленно.

– Сейчас все как-то бессмысленно. Я заходил на Брук-стрит, но леди Фелпс сказала, что ты поехала в эту церковь с Норой. Оливия, мне казалось, что леди Фелпс – твоя компаньонка. Тебе не следовало ездить сюда одной.

– Я не одна. Нора ждет меня в экипаже.

– В Лондоне Нора едва ли может служить подходящей компаньонкой.

– Колин, здесь же просто церковь, а не парк Воксхолл-Гарденс.

Он вытаращил глаза.

– Оливия, надеюсь, леди Фелпс не водит тебя в такие места! В них, знаешь ли, совсем небезопасно.

– Колин, я просто так выразилась. К твоему сведению, мы почти никуда не ходим. Однако в Лондоне у меня есть одно важное дело. Расскажи, как дела у Фиби?

– Она по-прежнему потрясена. Для нее все вдвойне тяжелее. Она еще не совсем оправилась после того, как Джек... – Колин осекся. – Прости, Оливия, мне так жаль. Знаю, смерть Джека доставила и тебе много боли.

Оливия с трудом сдержалась, хотя ей захотелось отомстить Колину за его нечаянную жестокость. Похоже, все вокруг считали: ее подруга Фиби больше страдает из-за смерти Джека. Нет смысла объяснять, что потеря брата-близнеца может быть еще мучительнее, чем потеря жениха. Но сама Фиби знала, как близки Джек и Оливия... Были близки.

– Колин, прошу тебя, не извиняйся. Не люблю, когда в моем присутствии упоминают о Джеке. Так еще хуже. Так он кажется еще более мертвым... Когда ты должен возвращаться?

– Завтра. Не хочу надолго оставлять маму. Фиби старается, но маме нужен и я. Когда ты завершишь свои... свое дело?

Едва скрываемое осуждение в его голосе задело Оливию за живое. Она сама жалела, что не может поддержать Мэри Пейтон и Фиби в их трауре, но надеялась: как только они узнают, что она действует в их интересах, они простят ее отъезд.

– Надеюсь, очень скоро. Пожалуйста, Колин, приходи сегодня ужинать со мной и леди Фелпс.

Она ненадолго сжала ему руку, намереваясь уйти. Но он увлек ее назад, к церкви. Оливия почувствовала себя виноватой и покорно пошла за ним. Церковь показалась ей теснее и душнее.

– В чем дело, Колин? Ты прекрасно знаешь, нам с тобой неприлично находиться здесь наедине. Я сказала Норе, что зайду только на минутку.

– Оливия, по-моему, ты в первый раз заговариваешь со мной о приличиях; не могу вспомнить, сколько раз маме приходилось напоминать о правилах приличия и тебе, и твоим братьям. Рад видеть, что ты наконец-то становишься взрослой.

– Наверное, можно и так сказать.

– Разве ты не можешь уговорить леди Фелпс, чтобы она поехала с тобой в Харрогит? Мы... Мама и Фиби очень скучали по тебе последние два года, когда ты покинула Джиллингем. Я так и не понял, что произошло у вас с Бертрамом. Конечно, мы, как и отец, сразу же встали на твою сторону... Откровенно говоря, я рад, что ты его бросила.

– Колин, я приеду сразу, как только смогу.

– А если я скажу тебе: я очень хочу, чтобы ты приехала? – Он подошел еще ближе и взял ее за руки. – Все так перевернулось, а тебе всегда удавалось сделать самые странные вещи... обычными. Когда последние два года мы с отцом приезжали в гости к вам с леди Фелпс, я все больше... раньше я и понятия не имел, как завишу от твоего присутствия, пока... я ничего не могу сказать в своем нынешнем положении, но когда мы выйдем из траура...

Оливия заставляла себе не шевелиться, не вырывать руки. Она внушала себе: перед ней не Бертрам, перед ней Колин, у нее нет причин бояться. Не то чтобы она не задумывалась о таком выходе из затруднительного положения. Колин часто навещал отца в Лондоне; они захо-

дили к ним с леди Фелпс. Конечно, она заметила, что Колин относится к ней уже не как друг детства... Если ей не удастся обелить имя и репутацию Генри Пейтона другими средствами, она выйдет за Колина замуж. Он сможет распорядиться ее состоянием и позаботится о Фиби и Мэри Пейтон, а они не станут испытывать мук совести.

Но пока он сжимал ей руки, пропасть между добрыми намерениями и действительностью ширилась, и ей все больше хотелось вырваться.

– Ты скоро приедешь? – еще раз спросил он.

Оливия глубоко вздохнула и кивнула. Он нагнулся, чтобы коснуться губами ее щеки, и она застыла, когда его губы, скользнув, коснулись ее губ. Перед ней всего лишь Колин, напомнила она себе. Колин – не Бертрам, а она больше не наивная, доверчивая дурочка. Никто больше не воспользуется ею таким образом. Никогда.

Он отпрянул; его голубые глаза затуманились, лицо покраснелось. Наконец она позволила себе шевельнуться и высвободила руки.

– Я должна идти, или Нора забеспокоится. Пожалуйста, передай маме и Фиби... Передай, что скоро я с ними увижусь. Колин, желаю тебе сил.

Оливия поспешила к ждущему ее наемному экипажу. Там она стянула перчатки и сложила ладони вместе, стараясь прогнать боль, которая всегда возвращалась при воспоминаниях о Бертраме.

– Прости, Нора, что я заставила тебя ждать в такой холод. Ты и понятия не имеешь, кто приехал в Лондон...

– Мисс Оливия, я видела, как мистер Колин к вам подходит. Я говорила вам, что вы делаете глупость. Вам уже не двенадцать лет, и вы не прячетесь на дереве, чтобы подслушать, о чем говорят ваши братья. И не нужно затыкать мне рот, хотя вы меня все равно не слушаете! Вот, укройте ноги пледом, здесь почти так же холодно, как дома. Надеюсь, вы не сказали мастеру Колину правды?

– Ты ведь понимаешь, что я ничего не могу ему сказать. Я ничего не могу говорить, чтобы не вселять в него ложную надежду.

Нора вздохнула, но ничего не ответила, и Оливия посмотрела в окошко. Она поймала себя на том, что вытирает щеку, как будто надеясь таким образом стереть и воспоминания о своей бесславной помолвке.

Она не жалела о том, что бросила Бертрама. Семейная жизнь с этим лживым ничтожеством была бы гораздо хуже разбитого сердца. Но она глубоко сожалела, что сказала правду Генри Пейтону, да еще взяла с него слово, что он будет молчать. Бедный Генри встал на ее сторону и принял на себя весь гнев родственников Бертрама. Он не жаловался, даже когда отец Бертрама сэра Иво фактически выгнал Генри из Джиллингема, сделав так, чтобы он не смог там работать. Оливия не пыталась оправдать себя – она сама виновата, что Генри приходилось проводить столько времени в Лондоне вдали от жены. Значит, она виновата и в том, что он искал утешения у других женщин... Значит, она виновата и в том, что он умер.

Колин совершенно ни при чем, но, когда он поцеловал ее, она тут же вспомнила последний разговор с Бертрамом. Сцена встала перед ее глазами так живо, как будто все вернулось. Бертрам не придавал значения ее отказу, стараясь умиротворить ее теми же способами, какими он всего добивался, – соблазняя ее. Когда-то ей нравились его поцелуи; она думала, что они служат знаками его любви. Но в тот вечер объятия, которых она раньше так ждала, стали для нее невыносимыми. Она словно снова видела перед собой его лицо, которое склонялось над ней, чувствовала, как его влажные губы искали ее рот, его мощь, когда он прижимал ее к стене... Все, чего она с таким нетерпением ждала, напоминало о ее доверчивости. Колин совсем не похож на Бертрама, но, возможно, отныне и навсегда любой контакт с мужчиной будет носить отпечаток Бертрама и ее омерзения из-за собственной слепоты.

Все ее пылкие надежды и мечты улетучились из-за его ужасной измены.

Она встряхнулась. Сейчас самое главное – Генри. Она приехала в Лондон из-за крестного, и она доведет дело до конца.

Если лорд Синклер не станет ей помогать, она все сделает одна. Она докажет, что настоящим был тот Генри Пейтон, которого она знала и любила, пусть он уже умер. Она защитит его, как он когда-то защитил ее.

Глава 3

Дождавшись, когда молодой человек покинет церковь, Лукас вышел из-за колонн, отделяющих алтарь от нефа. Очень хотелось пойти за ним и подробно рассказать, в каком безрассудстве замешана его юная знакомая. Может быть, выслушав здравое мнение о ее деятельности, родственники заставят ее уехать, не дав ей причинить настоящий вред себе самой или другим.

Лукас вышел в мрачное зимнее утро, вспоминая все, что ему о ней известно.

Он привык быстро составлять мнение о людях, но новая знакомая по-прежнему оставалась для него загадкой. Может быть, стоит обсудить ее с Чезом. Конечно, они редко вспоминают прошлое, но... Брат не только хорошо разгадывает головоломки; речь идет о деле, которое заботит и его, пусть даже он не показывает виду. Лукас задумался, не зайти ли домой к Чезу, но, поразмыслив, отказался от своего замысла. Подобные разговоры лучше вести в Синклер-Хаус, где братья могут быть уверены в том, что их не услышат посторонние.

– С каждым разом дом все больше похож на пещеру. Может, тебе стоит заменить ковер на лестнице? Когда я поднимаюсь, топот такой, будто идет караван верблюдов, – заметил Чез, входя в кабинет Лукаса в фамильном особняке, прозванном ими Мавзолеем.

Лукас оторвал взгляд от бумаг и улыбнулся младшему брату. Они были одного роста; когда оба окончили школу, их часто принимали за близнецов. Правда, у Чеза глаза серые, а не черные; он словно олицетворял симбиоз между итальянской кровью матери и северным наследием Синклеров.

– Мне так больше нравится, – ответил Лукас, наливая брату бренди. – И уж кому как не тебе должно быть известно, как важно быть предупрежденным о чьем-то приходе заранее.

– Люк, для предупреждения заранее к твоим услугам целый клан Таббсов в нижнем этаже. Кстати, дверь мне открыл незнакомый мальчик – судя по всему, он совсем недавно перестал носить короткие штанишки. А я-то думал, что миссис Таббс объявила перерыв в увеличении численности семьи.

– Это, наверное, Ричард, сын Энни.

– Энни? Боже мой, когда я видел ее в последний раз, она была вот такой маленькой!

– Вот еще одно доказательство, что ты бываешь здесь нечасто. Ты надолго в Лондоне?

– Пока не знаю. Возможно, задержусь на несколько недель, но перед тем, как снова уехать, непременно наведаюсь в Синклер-Холл к Сэм. Мне не нравится, что наша младшая сестренка по-прежнему прячется от людей в Синклер-Холл, хотя после смерти Рикардо прошло уже много времени.

– Не торопи ее, Чез. Она горюет не по Рикардо. Тебе хорошо известно, что Сэм сама принимает решения, в том числе и о том, сколько ей быть в трауре. Кроме того, она занята своей работой.

– Я не собираюсь ее торопить, просто хочу с ней повидаться. А ты? Скоро ли снова отправишься в путь?

– Через месяц или около того меня ждут в Санкт-Петербурге. Почему бы тебе не пожить здесь, пока ты в Лондоне?

Чез оглядел кабинет.

– Нет, Лукас. Мавзолей – твой крест. Проходя мимо закрытого большого зала, я снова вспомнил, почему предпочитаю мою скромную квартиру на Хаф-Мун-стрит. Там на меня не дают воспоминания!

Лукас поморщился.

– Я и сам всегда захожу в дом со стороны конюшни. Когда-нибудь прикажу переделать зал... Очень жаль, что особняк нельзя продать; он не подлежит отчуждению.

Чез покрутил бокал и сел в мягкое кресло у камина.

– Дом – веская причина для того, чтобы обзавестись наследником. Тогда можно будет покончить с майоратом.

– Нет уж, спасибо. Не думаю, что миру нужны новые Синклеры; мы и так причинили достаточно вреда.

– Да уж. По-моему, всему миру хотелось бы, чтобы наши предки оставались на далеком севере среди шотландских праотцев, а не приезжали к английскому двору и не получали хорошие английские титулы и земли. Правда, сейчас уже поздно ворчать. Итак, говори, что тебя беспокоит?

– С чего ты взял, что меня что-то беспокоит?

– Многолетний опыт. Итак, к делу!

Чез обладал одной замечательной способностью. Он умел слушать молча, не перебивая и не поощряя рассказчика. Кроме того, он не позволял собеседникам читать свои мысли, но Лукас слишком хорошо знал его, и брат не способен был его одурачить. Само его молчание говорило о многом.

– Что ты думаешь? – спросил Лукас, завершив рассказ о странной мисс Силвердейл и ее измышлениях.

– Если бы такую историю поведал мне не ты, а кто-то другой, я бы заподозрил у несчастного лихорадку. Цыганки, шлюхи, оккультисты... Ты вполне уверен, что эта молодая особа не тронулась умом?

– Боюсь, что нет. Конечно, ее трудно назвать обычной девушкой; она отличается редким здравомыслием, но упряма, как казак. Если не рассматривать вариант возвращения мисс Силвердейл к родственникам в Йоркшир, не думаю, что мне удастся разубедить ее и разуверить в существовании заговоров и предвзятости.

– По-твоему, есть вероятность, что она права? – Чез любовался игрой света в бокале. Его чеканный профиль напрягся, темно-серые глаза затуманились.

Чезу было всего десять, когда умер их отец, и, хотя мать старалась не посвящать детей в подробности, сплетни оказались слишком пикантными, чтобы их скрывать. Мальчишки в школе злорадствовали, рассказывая братьям о дуэли и ее причинах. Вскоре обоих исключили из школы за драку; на следующий год они с радостью покинули Англию и несколько лет прожили в Венеции у родственников по материнской линии.

– Едва ли. – Лукас покачал головой. – Она принимает желаемое за действительное. Судя по всему, маленькая мисс Силвердейл чувствует себя в долгу перед крестным и потому готова поверить любой небылице, чтобы смягчить горе и чувство вины. По-моему, она сражается с ветряными мельницами, но я не хочу, чтобы она наводила справки о нашей семье. Если уж кому-то суждено в будущем пятнать наше имя, предпочитаю, чтобы этим и дальше занимались мы, Синклеры.

– Верно. И что ты собираешься предпринять в связи с ней и ее игрой в оккультистку? Кстати, жаль, что я не могу поприсутствовать на сеансе! А вот тебе стоит туда пойти.

– Ты что, с ума сошел? Предпочту целый месяц по средам посещать балы в клубе «Олмакс».

– Ничего подобного! Тебе самому любопытно, что там произойдет. И потом, представь, что будет, если та шлюха с Кэтт-стрит узнает, что мнимая оккультистка ее обманула? Сцена будет некрасивой. Тебя замучают угрызения остатков совести.

– Будь ты проклят, Чез.

– Безусловно.

– Тем больше причин увезти ее к ней домой.

– Возможно.

– Сеанс оккультизма – напрасная трата времени.

– У тебя есть целый месяц, ведь пока никто не ждет тебя в Санкт-Петербурге. Или, может, ты хочешь поехать туда пораньше и насладиться русской зимой во всей красе? Бонапарт уже пробовал, если ты помнишь, и без особого успеха.

– Ну уж нет. Я надеялся, что ты придумаешь, как избавиться от этой непредсказуемой особы, – от нее всего можно ожидать.

– Я и придумал. Присматривай за начинающей оккультисткой и постарайся оградить нас от перемывания грязного белья – пожалуй, с Синклерами это проделывали слишком часто. А я до отъезда съезжу в Холл и повидаюсь с Сэм. – Чез встал, одернул жилет и со вздохом огляделся по сторонам. – Знаешь, я сам не могу решить, нравится мне или нет, что при тебе в Мавзолее царит такая тишина. Она не делает чести твоей репутации гедониста. Советую тебе нанять бродячую труппу, которая поставит здесь парочку оргий. Главное, не забудь оставить открытыми окна, которые выходят на площадь!

– Нет уж, благодарю. И потом, отсутствие сведений о том, что здесь творится, лишь разжигает воображение сплетников из светского общества. Упаси Господи оправдывать их ожидания! Пусть продолжают выдумывать.

– Так и происходит, тем более что сведений о твоих подвигах за границей у них больше чем достаточно. Кстати, о сведениях. Ты сегодня пойдешь со мной в клуб?

– Если сегодня среда, не могу. «Олмакс» ждет.

Целую секунду Чез ошеломленно смотрел на брата, а потом расхохотался.

– Боже правый, мне показалось, что ты говоришь серьезно! Больше не пугай меня так. Если ты когда-нибудь станешь уважаемым господином, свет перенесет свои ожидания и на меня. Если меня что-то и пугает больше клуба «Олмакс», то это чужие ожидания.

Глава 4

– Какого дьявола!

Оливия выронила скатерть, которую держала в руках, и побежала к кабинету. Возможно, она поступила неразумно. Мужчина, который изрыгает ругательства в пустом доме, наверное, предполагал, что нужно бежать куда-нибудь подальше. Но Оливия узнала голос и, как ни странно, совсем не испугалась. Встревожилась, но не испугалась.

На пороге она остановилась. Лорд Синклер стоял подбоченившись и рассматривал ее Стену Догадок.

– Что вы здесь делаете? – спросила она, заправляя за ухо выбившийся из прически локон.

Она пожалела, что не надела ничего более нарядного, чем простое муслиновое платье, и тут же укорила себя за неуместные мысли. Лорд Синклер был в костюме для верховой езды, однако светлые лосины и темно-синий фрак сидели на нем с той же элегантной небрежностью, с какой он носил любую одежду. В очередной раз ее поразила нескрываемая властность его лица и фигуры. В ее гостиной он выглядел совершенно неуместно... Как, впрочем, и в ее мире.

– Какого... Что все это значит? – осведомился он, и Оливия, преодолевая неловкость, переступила порог.

– Это списки.

– Вижу. Но почему их так много? И как вам удается сделать так, чтобы они не падали?

– Я наклеила сукно на пробковую панель, а листки бумаги прикалываю швейными булавками. Раньше я раскладывала списки на полу, но они вечно путались... Как вы сюда вошли?

– А веревки? Как будто сумасшедший паук пытался сплести здесь паутину.

– Они помогают мне разобраться, что с чем связано. Мне так лучше думается.

– Если ваша голова внутри похожа на эту стену, помогите вам небо.

– Вы пришли для того, чтобы меня оскорблять, или у вас имелись другие причины вламываться ко мне в дом?

– Я не вламывался, а вошел через боковую дверь. Советую вызвать слесаря; пусть сменил ваш устаревший замок на более современный. Вы сказали, что ваша гостья придет в пять часов? – Лукас прошел вдоль стены, и она с трудом удержалась от порыва сорвать все списки, не давая ему их прочесть. Во-первых, он наверняка считает, что у нее не все дома, а во-вторых, ей не хотелось, чтобы он их читал. Однако ему хватило любопытства прийти...

– Да. Я как раз готовила для нее комнату. Вы пришли мне помешать?

– Нет.

– Зачем же в таком случае?

– Из любопытства. Никогда в жизни не присутствовал на сеансе оккультистов. Я расширяю свой кругозор.

Он подошел к той части стены, которую она посвятила его отцу, и Оливия напряглась в ожидании. Правда, не так много ей известно; пустых мест гораздо больше, чем в списках, посвященных Генри Пейтону. Впрочем, даже скудные сведения об обстоятельствах его смерти, которые узнал Мерсер, способны разозлить гостя. Лукас молча прошел вдоль стены и направился к столу.

– Как, опять списки? «Знаменитые оккультисты»... Кто такая мадам Булгари?

– Это я. Цыганка Сью помогла мне придумать имя; она сказала, что иностранные имена звучат внушительнее. А остальное я взяла из книг.

Лукас взял со стола книгу и, полистав страницы, удивленно поднял брови.

– Общение с потусторонним миром... Барон Литтлтон... кажется, он был членом парламента?

– Понятия не имею. Пожалуйста, не перепутайте бумаги.

– Перикл? Кристина, королева Швеции? Избранное общество, нечего сказать! – Он отшвырнул книгу и взял другую. – А этот том о чем? «Запретные тайны оккультизма» мадам Волгатской? Звучит более занимательно, хотя, судя по раззолоченным буквам, ей больше подошла бы фамилия «Вульгарская»... Начинаю думать, что «мадам Булгари» – превосходная кличка.

Оливия вырвала у него книгу.

– Если вы пришли, чтобы насмеяться надо мной, можете уходить. У меня много дел.

– Дел?

Она не стала оборачиваться и смотреть, идет ли он за ней. Пусть дерзит, как хочет, она сразу поняла, что любопытство не позволит ему уйти раньше времени. В этом они с ним похожи...

Вернувшись в гостиную, она задернула толстые бархатные шторы, и комната погрузилась в полумрак. К тому времени, как приедет Марша Пендл, здесь будет почти совсем темно. Свечи и благовония были заготовлены заранее. Оливия разожгла камин, чтобы он разгорелся, когда начнется сеанс магии. Ей нужно совсем немного света и тепла; остальное довершат ароматические палочки, которые порекомендовала ей Цыганка Сью. Пометив очередной пункт в своем списке, она пробежала его глазами.

– Сам не понимаю, где мне больше не по себе, в этой гостиной или в вашем кабинете, похожем на паучье логово. Кажется, в кабинете даже страшнее, – заметил он, входя в гостиную следом за ней.

– Почему?

– Потому что здесь все понарошку, а там все всерьез.

Оливия пожалала плечами, не отрываясь от списка. Церковные свечи. Бергамотовое масло... Готово!

– Интерьер вам создавала потусторонняя мадам Волгатская? Для чего столько шалей? Вы что, собираетесь танцевать?

– Нет, я связываю ими неосторожных гостей и приношу их в жертву темным силам.

– Благодарю покорно. Мне еще не приходилось никого связывать, чтобы получить, что мне хочется... во всяком случае, женщин.

Оливия оторвалась от своего списка; несмотря на желание сохранить серьезный вид, ее губы дрогнули в улыбке.

– Вы очень тщеславны, не так ли, лорд Синклер?

Он перебирал в руках тонкую узорчатую шаль; шелк струился между пальцами и переливался.

– Неужели? По-моему, мои слова говорят совсем не о тщеславии.

– А о чем же? Только не говорите «об опыте», это лишь подтвердит мои слова.

– В таком случае я вообще ничего не стану говорить. Итак, что же дальше?

– Дальше вы уйдете.

Он выдвинул стул из-за стола и сел, явно пренебрегая всеми правилами приличия. Он не выпускал из рук шаль. Шуршание шелка у него между пальцами вызвало у нее приятное покалывание, от кончиков пальцев ног распространившееся, как дым, по всему ее телу. Она ощущала тепло от соприкосновения мягкого шелка с его кожей; у нее тоже согрелись пальцы. Вскоре покалывание перешло на ладони, как будто туда попала кислота. Ей с трудом удалось сдержаться и не выхватить у него шаль.

– Оливия, вы в самом деле хотите, чтобы я ушел?

Произнесение им ее имени подействовало на нее так же, как шелест шелка в его руке; ей пришлось набрать в грудь побольше воздуха, прежде чем она смогла заговорить. Почва уходила у нее из-под ног – возможно, он именно этого и добивался. Он наверняка догадывается, что

ее бросило в жар... Он нарочно старается размягчить ее, сделать податливой и послушной. Вот и все.

– Мисс Силвердейл, – машинально поправила она.

Шарф ненадолго застыл, а потом гость продолжил свои мучительные манипуляции.

– Допустим... Итак, мисс Оливия Силвердейл, вы хотите, чтобы я ушел?

– Если вы здесь для того, чтобы помочь мне, можете остаться. Но если вы пришли лишь затем, чтобы посмеяться надо мной, я вас не задерживаю, – ответила она.

Он бросил шаль на стол. И хотя ее томление прошло, подозрения подтвердились. Хотя ей удалось не подпасть под его чары, она отчего-то не ощущала радости победы.

– Мисс Силвердейл, я не считаю одержимость ни большим достоинством, ни чем-то забавным. Я пришел не для того, чтобы помочь вам, а чтобы убедиться, что вы не причините вреда моим делам своими довольно... нетривиальными действиями. Нашей семье досталось немало грязи; мы окружены дурной славой, и для дальнейшего унижения нам вовсе не требуется помощь посторонних.

– Если вы пришли не для того, чтобы мешать мне...

– Совершенно верно. Я здесь для наблюдения. Я буду в соседней комнате и послушаю, как вы воспользуетесь своими навыками оккультистки, чтобы извлечь золото из Марши Пендл. Когда погрузитесь в транс, советую не забывать о том, что я за стеной. Ну а после того, как ваша гостя пообщается со своим потусторонним другом, вы должны недвусмысленно дать ей понять, что дух, с которым она жаждет беседовать, надолго отправится в высшие сферы и больше не будет являться по вашему зову. Так что позвольте ей со слезами распрощаться с ним и отправьте ее назад, на Кэтт-стрит. Навсегда.

– Кажется, я уже говорила, лорд Синклер: я не люблю, когда мне угрожают.

– Разделяю ваши чувства. Я и сам не люблю, когда мне угрожают. Значит, мы с вами поняли друг друга. Вам следует считать серьезной уступкой с моей стороны уже то, что я позволил вашему сеансу состояться. Но сделайте еще хоть шаг дальше по этому пути без моего ведома, и я перейду от угроз к действиям. Я ясно выражаюсь?

– Напоминаю, что я сама сообщила вам о своем следующем шаге.

– Не цепляйтесь к мелочам.

– Позвольте полюбопытствовать, какие действия вы намерены предпринять?

Его взгляд утратил суровость.

– Мисс Силвердейл, вы хотите, чтобы я раскрыл карты? Вы меня обижаете! Не стоит считать меня столь несерьезным противником!

– Но вы прекрасно понимаете, что я скорее отвечу на вероятную угрозу, чем на напыщенные слова.

– Что ж, извольте. Для начала я сообщу о вашем местонахождении и ваших поступках вашему брату, Гаю Силвердейлу. Возможно, ему как главе семьи не понравится, что его единственная сестра снимает дом в захудалом лондонском квартале и видится там наедине с печально известными распутниками. Достаточно или продолжать?

– Откуда вы знаете, что моего брата зовут Гай?

– Я посоветовался со своими потусторонними знакомыми, а те перемолвились словом со своими йоркширскими друзьями через духов Екатерины Великой и Юлия Цезаря. Итак, Оливия, что скажете?

Возможно, все дело было в том, что он снова назвал ее по имени, а может быть, даже в том, что он упомянул Гая, но его слова, как ни странно, успокоили ее. Если бы лорд Синклер был настроен исполнить свою угрозу, он бы давно приступил к действиям. Значит, он готов пойти на уступку, пусть даже из чистого любопытства. Значит, его можно попытаться склонить на свою сторону – постепенно, шаг за шагом.

– Что ж, лорд Синклер... После сегодняшнего вечера, если, конечно, вы не передумаете, дух Джорджа отправится в длительное путешествие по реке Стикс.

Она протянула ему руку и сразу поняла, что допустила просчет. Ее нервные окончания еще не успокоились после его игры с шалью. Все стало еще хуже, когда теплая рука лорда Синклера накрыла ее руку. Вторая ее рука дернулась, словно завидуя. Оливия поспешила вырваться и направилась к двери.

– Марша скоро придет. Я должна переодеться.

Не дожидаясь его ответа, она побежала вверх, сама не понимая, хочет ли, чтобы он был еще здесь, когда она вернется.

Глава 5

Резкий, назойливый запах духов Марши Пендл распространился по всей квартире. Лукас невольно шагнул подальше от двери. Однако не хотелось упускать ни слова из того, о чем говорили в соседней комнате. Возможно, мисс Оливия Силвердейл не слишком умело изображала славянский акцент «мадам Булгари», но роль медиума исполняла весьма пристойно. Лукас решил, что ее вполне можно выпускать на театральные подмостки.

Он начал слушать ее представление злой как черт, но через полчаса, внимая ее кривляниям, с трудом удерживался от смеха. Не верилось, что Марша Пендл воспринимает «оккультистку» всерьез.

Надо отдать должное мисс Силвердейл, она старалась. В тот миг, когда Марша Пендл собралась требовать у усопшего клятву в вечной верности, хотя, судя по всему, верность не была достоинством Джорджа в его земной жизни, мисс Силвердейл заставила его сбежать. Она заявила, что за мужчиной гонятся ангелы мщения. Они же обвинили Маршу в пособничестве в совершении гнусного греха.

– Ты должна раскрыть все! – грудным голосом пропела «мадам Булгари». – Только тогда успокоятся владыки врат и позволят тебе воссоединиться с Джорджем! Жена человека, которого ты оклеветала, призвала на свою сторону влиятельных духов. Они могут навсегда преградить тебе путь!

– Нет-нет! Прошу вас, мадам Булгари, скажите им: я делала только то, что велел мне тот человек. Клянусь! Он сказал, что я помогу спасти кого-то от разорения. Он не был ни вором, ни мошенником – более того, боялся, как девственница перед первой брачной ночью. Я решила, что дама, ради которой тот малый так старался, – его родственница. Во всяком случае, на мои вопросы он не отвечал. Дал мне пять гиней только за то, чтобы я сказала констеблю, что последние полгода я была близкой подругой этого Генри Пейтона, приходила к нему под вуалью и все такое. Я ответила: не волнуйтесь, такое случается, уж мне ли не знать? Я не хотела никому ничего плохого; думала, что все к лучшему. Пожалуйста, передайте это духам!

– Успокойся. Они знают, что твоя душа чиста. Они разыщут злоумышленника, но ты должна его назвать.

– Но я не знаю его, говорю вам! Он пришел и спросил именно меня – по его словам, он слышал, что раньше я выступала на сцене. А потом предложил мне пять гиней. Целых пять гиней! Достал деньги и показал мне. Я сразу поняла, что ума у него меньше, чем у новорожденного котенка. А еще он очень не хотел, чтобы его видели со мной; до наемного экипажа я должна была идти на три шага позади. Я и узнала-то, как его зовут, случайно. Какой-то прохожий, приподняв шляпу, сказал: «Добрый вечер, Элдрич, странно видеть вас к югу от Темзы». Бедняга чуть не обмочился от страха, покраснел, как рак... Я вовсе не хочу сказать, что не виновата, ведь я солгала, что этот Пейтон развлекался за спиной у своей женушки. Но моя ложь – просто детская забава по сравнению с тем, что я вижу каждый день! Несправедливо это – наказывать нас с Джорджем только за то, что я хотела помочь! Вы ведь им передадите?

– Они тебя слышат. И все же ты должна рассказать о том человеке, представить его на их суд. Расскажи, как он держался. Закрой глаза и постарайся описать его... как можно подробнее. Так им быстрее удастся снять его грех с твоей души.

– Ну, не знаю. Он... мужчина. Невысокий. Одет как клерк, богатый лавочник или, к примеру, священник. Все они ходят в бордель, а в конце все на одно лицо. Одет чисто, аккуратно – сразу видно, что у него есть жена или экономка. Сюртук заштопан хоть и аккуратно, но во многих местах... Очевидно, у него не слишком много нарядных костюмов, понимаете? Лицо у него было серьезное и испуганное, но ведь так и должно быть. Они еще злятся, духи-то?

Молчание, которое последовало за ее взволнованным вопросом, перемежалось ее шумными всхлипываниями. Лукас с трудом сдерживал нетерпение. Конечно, даже неугомонная мисс Силвердейл поняла, что из Марши Пендл больше ничего не выжмешь, даже под угрозой вечно проклятия. Наконец послышался шорох и судорожный вздох.

– Ах... снова вода, туман... они уходят.

– Но они не запретят нам с Джорджем быть вместе, когда настанет мой срок?

– Они на время успокоились. Но говорят, что я больше не должна связываться с ними от вашего имени, пока они сами не пришлют весть. Я не смею им перечить.

Лукас оттолкнулся от дверного косяка. Рассказ Марши Пендл показался ему вполне логичным, гораздо более правдоподобным, чем фантастические измышления мисс Силвердейл. Может быть, после «сеанса» необыкновенная девушка поймет, что все ее мысли о заговорах – просто бредни? Он покосился на многочисленные листы со списками, украшавшие стену у него за спиной, и вздохнул. Маловероятно. Все верят в то, во что хотят верить, а Оливии Силвердейл хочется верить, что Генри Пейтона оболгали.

Когда за всхлипывающей Маршей Пендл закрылась дверь, он вошел в гостиную.

Оливия разматывала шаль, расшитую золотой нитью, которая прикрывала ее кудри. Волосы у нее разметались по плечам, отсвечивая медью. Она скрутила волосы в узел и скрепила деревянной шпилькой, но отдельные локоны выбивались из прически. Лукас поспешил подобрать сброшенную шаль, чтобы чем-то занять руки. Дурной знак, если ему хочется помочь женщине сделать прическу!

– Итак, что вы думаете? – спросила она, нарушая тишину.

– Думаю, что худшего славянского акцента мне еще не доводилось слышать.

В ее глазах плясали веселые огоньки, но густо накрашенные губы не улыбались.

– И все же подействовало, верно? – не сдавалась она.

– Зависит от того, что назвать словом «подействовало». – Лукас подошел к каминной полке и понюхал свечи. – Давайте поскорее перейдем в ваше паучье логово. Здесь ужасно воняет.

Следом за ним она перешла в кабинет, на ходу распутывая шали и сворачивая их в пестрый узел. Без вуали она выглядела настоящей пародией на гадалку; щеки и губы были густо накрашены, подведенные углем глаза загадочно мерцали.

– Вы не могли бы умыться? В таком гриме вы похожи на актрису из захудалого театра.

Глаза цвета меда с прозеленью сверкнули – то ли весело, то ли раздраженно. Однако ответила она по-деловому:

– Я понимаю, что мы почти ничего не узнали, кроме того, что некий человек по фамилии Элдрич велел ей переговорить с констеблем. Но это уже что-то. Мы должны его найти.

– Сядьте, мисс Силвердейл! Позвольте вам кое-что объяснить.

Она скрестила руки на груди, и он с трудом отвел взгляд от низкого выреза на корсаже чудовищного платья и от мучительно соблазнительной ложбинки между двумя восхитительными полушариями – не слишком большими и не слишком маленькими. Он с сожалением оторвался от завораживающего зрелища и посмотрел ей в лицо.

– Ладно, стойте, если хотите. Я объясню все коротко, но ясно, чтобы не возникло никаких недоразумений. Вам придется простить меня за то, что я буду выражаться прямо, не делая скидку на вашу девичью стыдливость. Едва ли особа в таком наряде и занимающаяся таким ремеслом застеняется простых и грубых слов. Вашему крестному не повезло скончаться во время коитуса – такое пусть редко, но случается. Конечно, было бы лучше, если бы его, так сказать, соучастница просто ушла. Рано или поздно труп кто-нибудь нашел бы. Тогда все решили бы, что с ним произошел несчастный случай, и не пришлось бы вовлекать третью сторону...

– Но...

– Никаких но. Ваш крестный не идеал; идеальных людей не бывает. Если интрижка – худшее, что вам о нем известно, значит, он такой же, как все, как это ни прискорбно. Предлагаю вам согласиться со мной и жить дальше. Под словами «жить дальше» я подразумеваю: как можно скорее вернуться домой, в Йоркшир.

– А как же записка, которую я нашла у него, с упоминанием вашего отца? Что, если два дела все же связаны? Что, если этот мистер Элдрич имеет отношение к его смерти? Может быть, он пытался помешать Генри что-то сказать или...

– Мисс Силвердейл, – снова перебил ее Лукас. – Вы явно прочли слишком много романов. Я долго терпел ваши фантазии. У вас есть сутки на то, чтобы собрать вещи, покинуть Спиннер-стрит и вернуться туда, откуда вы приехали, иначе я отправлю посыльного к вашим родным и сообщу о вашем местонахождении и вашей деятельности.

– Разве вы даже не хотите увидеть письма вашего отца?

– Нет, благодарю вас. Двадцать четыре часа. Завтра к этому времени вы должны покинуть Лондон. Если вам нужна помощь в найме почтовой кареты, могу предложить моего дворецкого. Он человек весьма тактичный и болтать не станет.

Она всплеснула руками.

– Почему вы так уверены, что виной всему слабое сердце и сомнительные отношения? И как же вы можете отказаться от всего, не испытывая угрызений совести?

– Мне не придется долго думать, милочка. Пожалуй, уже поздно. И... вы правы, я не испытываю никаких угрызений совести.

– Ах, не будьте таким несерьезным!

– И для этого тоже поздно. Как по-вашему, чего вы добьетесь, если и дальше будете рыться в чужом грязном белье? Вам кажется, что вы раскроете зловещий заговор, призванный оклеветать вашего крестного? И первый заговор каким-то образом связан со вторым, двадцатилетней давности, направленным на очернение моего отца? Вы хотите оправдать их прегрешения и заслужить благодарность вашей крестной матери? Жизнь устроена не так. Смиритесь! Ваш крестный, как и мой отец, был человеком слабым и совершил ошибку... или несколько ошибок. Конец рассказа. Все остальное – чистые домыслы с вашей стороны.

Несмотря на яркую, безвкусную одежду, она выглядела олицетворением холодной воинственности: плечи расправлены, губы плотно сжаты. Глаза горели презрением. Но ее выдавали дрожащие руки.

Однако, когда она заговорила, ее голос был спокойным.

– Я понимаю, что вы, вероятно, правы – и в том, что касается их, и в том, что касается меня. Но я должна довести дело до конца. Если я сейчас уеду... – Она тряхнула головой. – Я просто не могу. По крайней мере, уезжая, я должна знать, что сделала все, что могла.

Умоляющие светло-карие глаза с прозеленью, пусть и подведенные угольным карандашом, выглядели неуместно на густо накрашенном лице. Лукас немного подумал и вздохнул.

– Сделайте любезность, умойтесь и переоденьтесь. Сейчас у вас такой вид, будто вы ограбили какую-нибудь даму полусвета. А потом мы спокойно поговорим. У вас найдется что-нибудь выпить?

– Выпить? В гостиной есть бренди. Цыганка Сью посоветовала держать бренди под рукой, чтобы сделать Маршу сговорчивее. Или, может быть, вы хотите чаю?

– Я найду бренди. Ступайте переоденьтесь.

Бренди, как ни странно, оказался хорошим. Лукас отнес его в кабинет, налил себе и, подумав, ей тоже. Возможно, после бренди она тоже станет сговорчивее.

При мысли о том, что Оливия Силвердейл станет сговорчивее, он замер, не донеся бокала до губ. Яркая картина, к его удивлению, вызвала у него прилив жара, который зародился внизу живота, распространился по всему телу и вернулся в пах, вызвав настойчивую пульсацию. Крайне нежелательная реакция! Лукасу трудно было справиться с собой, потому что он знал:

сейчас она раздевается где-то наверху. Он живо представил, как вульгарное малиновое атласное платье с тихим шорохом падает вниз, к ее ногам...

Он крепче сжал бокал и тряхнул головой, прогоняя ненужные мысли. Возможно, она привлекательная малышка, но, несмотря на всю свою эксцентричность, она порядочная девушка из хорошей семьи. Подобные особы находились так же далеко от сферы его интересов, как если бы она была замужней дамой с десятью детьми.

Кроме того, судя по сцене, которую он наблюдал в церкви, физическая близость не вызывает у нее никакой радости.

Лукас вспомнил, как она стояла в церкви, задрвав подбородок и закрыв глаза, когда тот щенок нагнулся, чтобы поцеловать ее. Он приписал бы такую позу покорности, если бы не видел, как она стиснула кулаки и сжала губы. Она была больше похожа на приговоренного к расстрелу, который решил смириться со своей судьбой, чем на молодую женщину, которую вот-вот поцелуют. Еще тогда ее поведение показалось ему странным, но сейчас он подумал, что это странно вдвойне. Такое пылкое существо не может выглядеть подобным образом, когда молодой человек, которому она явно небезразлична, пытается урвать у нее весьма целомудренный поцелуй.

Что ему за дело до Оливии Силвердейл? Возможно, она просто не в состоянии совладать со своим любопытством. В отличие от нее у него имеется многолетний опыт. Как ни странно, когда он с ней, его дисциплина хромает. Но это не повод для того, чтобы вовсе потерять самообладание. Она – не его забота. Зато он обязан заботиться о своих ближайших родственниках. Сэм ни к чему новые потрясения. Вот почему сейчас у него есть единственный выход: загнать джинна назад в бутылку и жить дальше.

– Прекрасно. Вы нашли бренди. А это мне?

Он обернулся, машинально сгруппировавшись и готовясь принять или нанести удар. Оливия совершенно преобразилась; она переделалась в кремовое муслиновое платье, расшитое по корсажу крохотными бледно-желтыми цветочками. Она смыла макияж, но губы и лицо зарумянились от холодной воды, и под глазами еще оставались темные тени. По мнению Лукаса Синклера, новая знакомая выглядела типичной провинциальной барышней, которая спустилась к завтраку, еще не до конца проснувшись. Такой девице положено думать лишь о вышивании и утренних визитах. Конечно, у него не было особого опыта в общении с такими девушками, да он и не стремился его получить. Он хотел другого: вытащить из ее пучка одну шпильку и посмотреть, удержится ли узел ее рыжих кудрей на месте. Потом вытащить вторую шпильку и любоваться тем, как рыжие локоны падают ей на плечи и спину. Потом отвести ее наверх и смотреть, как она снимает с себя платье...

Проклятие! Его мысли снова приняли совершенно нежелательный оборот.

Оливия села, осторожно отпила бренди, поморщилась и сделала еще глоток.

– Какая гадость! Неужели бренди в самом деле нравится мужчинам или они пьют его только ради опьянения? Кстати, должна предупредить, что завтра я не собираюсь уезжать из Лондона.

– Я знаю, что добровольно вы отсюда не уедете.

– И принудительно тоже. Вначале я должна выяснить, кто такой мистер Эдрич. Если он в самом деле просто заботливый родственник и в деле замешана другая женщина, что ж... возможно, вы правы. Но я должна попытаться. Итак... Вы сказали, что хотите со мной поговорить. О чем мы будем разговаривать?

«Как я уложу тебя в постель», – мелькнуло у него.

Он улыбнулся собственной неожиданной глупости и покачал головой.

– Кто тот молодой человек, с которым вы целовались в церкви Святого Георгия?

Глаза у нее стали огромными, лицо залилось краской, яркой, как помада мадам Булгари.

– Вы нас видели?

– Я видел, как он заговорил с вами на улице. Потом вы вернулись в церковь. Как вы, наверное, заметили, я малый любопытный, поэтому... да, я все видел. Итак, кто он?

– Колин Пейтон. Сын Генри Пейтона.

– А, понятно. И что между вами? Вы помолвлены с этим щенком?

Оливия поджала губы и прищурилась.

– Он не щенок; он очень хороший. Но... нет, мы не помолвлены.

– Предупреждаю, поцелуи с молодыми людьми в церквях приравниваются к помолвке! Почему вы не сказали, что он – одна из причин, по которым вы хотите обелить имя Пейтона? Если хотите, чтобы я вам помогал, мисс Силвердейл, вы должны быть честной со мной.

– Я ничего не сказала вам о нем, потому что мы с ним не помолвлены.

– Значит, вы целуетесь с мужчинами в церквях из чистого удовольствия?

– Он сам меня поцеловал – я его не поощряла! – возмутилась она, подтвердив его подозрения.

Он не мог понять, в чем дело: в простой неопытности или в чем-то более глубоком. Возможно, первое; ее одержимость заговорами заставила и его видеть тени там, где их нет.

Не дождавшись ответа, Оливия продолжала, стиснув кулаки и явно стараясь успокоиться:

– Но я, возможно, выйду за него замуж, если не смогу разрешить дело по-другому.

– Каким же образом брак разрешит дело?

– По крайней мере, если он женится на мне, то избежит финансовых затруднений, возникших после смерти Генри. Видите ли, я очень богата. Если бы мой брат Джек женился на Фиби, сестре Колина, Пейтоны пользовались бы его покровительством – как финансовым, так и другим. Но Джек умер, и теперь помогать им по мере сил обязана я.

– Понятно. Очень благородно с вашей стороны.

– К благородству мои поступки не имеют никакого отношения. Я просто стараюсь поступить по справедливости с людьми, которые мне глубоко небезразличны. Отвечая на ваш пока не заданный вопрос... нет, я не уеду просто потому, что вы мне это приказываете, поэтому, думаю, в ваших же интересах помочь мне, а не пытаться меня прогнать.

– Итак, мы вернулись к вашим планам. Вы всегда такая упрямая или я пробуждаю в вас самые худшие черты?

– И то и другое.

Он расхохотался и, наклонившись к ней, кончиками пальцев приподнял ее подбородок.

– Знаете, если хотите, чтобы я с вами согласился, вам не стоит быть такой воинственной.

– Почему же? Вы, несомненно, будете поступать так, как вам заблагорассудится, не считаясь ни с кем. Пока мне удавалось в чем-то убедить вас, воззвав либо к вашему любопытству, либо к своекорыстию. Не понимаю, почему я должна уступить!

Он мягко провел подушечкой большого пальца по ее подбородку, коснулся ее губ, глядя, как расширяются ее зрачки – что могло быть признаком как тревоги, так и физического интереса. Хотелось бы знать, что именно ею движет! Кровь у него закипала, расширялась и требовала все выяснить.

– Все зависит от того, что именно вам от меня нужно, – тихо сказал он, едва заметно надавливая на ее губы.

У нее пресеклось дыхание, но она по-прежнему не шевелилась. Упрямая и опрометчивая! Или она в самом деле думает, что он не воспользуется тем, что они оказались одни в пустом доме в не самом уважаемом квартале Лондона?

Поистине жаль, что она собиралась пожертвовать собой ради этого скучного и предсказуемого молодого человека!

Интересно, как она представляет себе их совместную жизнь? Еле сдерживаемый пыл этой страстной природы сожжет беднягу дотла, если, конечно, тот позволит ее энергии вырваться

на свободу. Впрочем, последнее маловероятно. Пара лет совместной жизни – и она будет хвататься за любую возможность и созреет для приятной интрижки на стороне.

Лукас покачал головой. Что за мысли! Каким бы он ни был и как бы странно ни реагировало на нее его тело, он еще ни разу не переходил границ с неопытной молодой женщиной. Девушки вроде Оливии слишком склонны смешивать физическое наслаждение с эмоциональной привязанностью. Неразумно поддаваться искушению и проверять, в самом ли деле ее губы такие мягкие и восхитительные, какими выглядят. Неразумно, но очень, очень соблазнительно...

– Вы всегда можете предложить обмен, – мягко продолжал он, снова проводя по ее губам подушечкой пальца.

– К-какой обмен? – Голос у нее сел, и она откашлялась.

– Я постараюсь выяснить, кто такой Эдрич...

– А что должна делать я? – настороженно спросила она, хотя и не отстранилась; более того, плечи ее немного расслабились, как будто привыкали к его ласковому поглаживанию, хотя он не понимал, поощряет она его к дальнейшим действиям или нет... – Если вы хотите, чтобы я прекратила заниматься этим делом, ни о каком обмене не может быть и речи, – добавила она после паузы.

– Я не стал бы просить у вас того, на что вы по сути своей не способны. Речь идет о совсем простой услуге.

– О какой? – Она нахмурилась, и он замялся.

Как он ни стремился проверить свою странную потребность, которая вцепилась в него когтями, ему не хотелось просить ее о том, к чему она совсем недавно выказала такое отвращение, когда ее пытался поцеловать ее друг. Просить о поцелуе – значит нарушить ее доверие, хотя между ними ни о каком доверии не могло быть и речи – в том-то и трудность.

Он вздохнул и, убрав руку, отстранился.

– Не важно.

Оливия шагнула к нему.

– Нет. Скажите, что вы хотите!

Приказ должен был убедить его, что ему следует немедленно покинуть и комнату, и дом, и эту необыкновенную девушку. Но ее голос заставил его продолжать следовать за собственной фантазией.

– Скажите сами. Чего стоят такие сведения?

– Вы имеете в виду – в денежном выражении?

– Нет. Ваши деньги мне не нужны. Все бессмысленно. Прощайте, мисс Силвердейл.

Она схватила его за руку.

– Ах, прошу вас, скажите же! Мне нужна ваша помощь, но, кроме денег, мне больше нечего вам предложить... По крайней мере, такого, что вы оцените.

– Что я оценю?

Она отвела от него молящий взгляд.

– Что оценит... опытный человек. Едва ли могу вообразить, что вы захотите чего-то в таком роде от такой девушки, как я.

– От такой девушки, как вы?

– Ничем не примечательной, – нехотя ответила она.

Она явно повторяла чужие слова, и он изумился. Ни один мужчина в здравом уме не способен назвать такую девушку непримечательной!

– Вот уж как бы я вас точно не назвал! Поверьте, мисс Силвердейл, вы одна из самых примечательных моих знакомых.

Лицо ее, и без того порозовевшее, запылало – как и каждая клеточка его тела. Он легко дотронулся до ее руки, которая сжимала его плечо.

– Обещаю разыскать вам мистера Элдрича, если смогу.

Она не выпустила его.

– Обещаете? Просто так? Без награды?

– Без награды. Но дальше вам придется действовать самостоятельно.

Она выпустила его; как только напряжение ослабло, он заметил, как к ней вернулось любопытство.

– Лорд Синклер, а что вы хотели у меня попросить?

Он вздохнул.

– Сейчас я вас порадую. Я избавил вас от страшных переживаний, потому что не попросил вас о поцелуе.

– О поцелуе?! – недоверчиво переспросила она. – Вы, наверное, шутите.

– Хотя шучу я редко, сейчас вынужден с вами согласиться. Я имел в виду просто поцелуй. Я не собирался просить у вас вашего первенца. Вы получили, что хотели. А теперь мне лучше уйти, не дав вам окончательно втоптать в грязь мое тщеславие.

– Я не... просто... ваша просьба кажется мне немного глупой. То есть... сплетни приписывают вам дюжину любовниц. Зачем вам мой поцелуй?

– Я и сам начинаю себе удивляться. Знаете, вы самая несносная женщина... девушка... все равно... из тех, кого я встречал. Прощайте, мисс Силвердейл.

– Подождите.

Несмотря на лучшие намерения, он остановился на пороге.

– Что еще, мисс Силвердейл?

– Вы в самом деле хотели поцеловать меня? – При виде ее замешательства его раздражение прошло. Его сменили досада и другие чувства...

– Да, но с моей стороны было крайне глупо предлагать вам нечто подобное. Я прекрасно понимаю: несмотря на ваши представления на Спиннер-стрит, вы – молодая женщина из хорошей семьи, которая питает неприязнь к... физической близости. Все было очевидно по вашей мученической позе, когда молодой Пейтон всего лишь пощекотал вам щеку.

Она прижала к лицу ладони.

– Нет, я не... я раньше никогда...

Гнев вспыхнул в нем, когда он услышал подтверждение своих подозрений. Интересно, какой неуклюжий дурак внушил ей такое отвращение к физическим ласкам? Скорее всего, не скучный юнец Пейтон. Ему показалось, что она относится к нему по-доброму, а их поцелуй был весьма бесстрастным, как будто она целовала маргаритку. Тем больше у него оснований уйти. Он за нее не в ответе.

– Вас кто-то обидел.

Оливия сжала губы, а потом нехотя ответила:

– Кое-кто обманул меня, использовал меня, что было больнее всего, но он никогда... Это не имеет значения, все осталось в прошлом. Но насчет Колина вы ошибаетесь. Я не хотела, чтобы он целовал меня, потому что он придает поцелую слишком большое значение. Я не хочу снова оказываться зажатой в угол. Мне придется делать выбор, который не соответствует моим желаниям. Сейчас все по-другому; вы ничего не хотите от меня, кроме поцелуя, хотя я понятия не имею, почему вы хотите меня поцеловать. Понимаете?

Он воздержался от поправки: он хотел не просто поцелуя...

– Да, наверное.

Оливия улыбнулась, прищурилась; глаза ее стали цвета меда. Она смотрела на него мечтательно, и он вспомнил, как она рассматривала его в тот первый день в церкви: хотя она была напряжена и напугана, она словно оценивала его, прикидывала, чего он стоит.

– Может быть, тогда попробуем?

– Что попробуем?! – Лукас стремительно терял контроль над ситуацией; неужели она имеет в виду...

– Поцелуй. Мне невыносима мысль о том, что всякий раз, как я думаю о поцелуях, я должна вспоминать его... не хочу, чтобы вероломный негодяй влиял на мою дальнейшую жизнь. Так что, возможно, это неплохая мысль. Хотелось бы мне избавиться от его власти, а удобный случай может и не представиться. В конце концов, я знаю, что могу вам доверять и вы не станете сплетничать. И все же я немного волнуюсь. Что, если мне не понравится? Как вы думаете, удастся ли вам быть убедительным?

Возможно, время от времени он и проявлял безрассудство, хотя и меньшее, чем думали в обществе, но он никогда...

– Я попробую.

– Отлично! Благодарю вас.

Она решительно выпрямилась и расправила плечи. Лицо у нее по-прежнему пылало, но прежнее оживление угасало, и она выглядела, как тогда в церкви, когда ждала, что тот молодой человек ее поцелует.

Конечно, его удерживала на месте тревога, которая таилась за ее решимостью. Непонятно, почему столь страстная натура, как она, отзывается на обычный поцелуй гремучей смесью решимости и страха. Он не был уверен, что ее желание экспериментировать ему нравится. Он понял: как ни странно, если оставить за скобками его несомненный интерес, исполнив ее просьбу, он лишь подольет масла в огонь. Ему нужно быть очень, очень осторожным. Он прекрасно сознавал, что глупое стремление удовлетворить свое любопытство в обмен на быстрый поцелуй завело его в ловушку. Надо запомнить на будущее: нельзя потакать своим порывам!

Он осторожно приподнял ее подбородок, и ее губы тут же плотно сжались.

– Расслабьтесь, я пока не собираюсь вас целовать.

– Нет? – Она захлопала ресницами.

– Перед тем как это сделать, я вас предупрежу, и, если вам не захочется, вам достаточно лишь сказать. А теперь закройте глаза.

– Зачем?

Он вздохнул.

– Доверьтесь мне. Обещаю, я не стану целовать вас, вначале не спросив. Ну же, закройте глаза.

Она повиновалась, нахмурившись, и он дотронулся до ее щеки, легко ведя пальцами по скуле туда, где над ухом курчавились мягкие волосы. Он провел пальцем по прядкам, поглаживая ей висок; его рука повторяла очертания ее лица, исследовала нежную точку за ухом. Плечо Оливии чуть приподнялось, и он наблюдал, как дрожат ее ресницы, на удивление темные и длинные, как сходятся и расходятся брови, как будто она пытается расслышать что-то вдали.

Он по-прежнему касался ее легко и нежно; он гадал, о чем она думает. Может быть, несмотря на всю внешнюю решимость, она сжимается внутри, потому что каждая ласка вызывает у нее в памяти пережитые боль и унижение?

– Вам противно? – прошептал он. – Мне остановиться?

Она снова сдвинула брови, но не открыла глаза и не заговорила, только покачала головой. Едва ли тем самым она одобряла его призыв, однако ущерб оказался небольшим. После ее жеста его немного отпустило. Трудно было оторвать взгляд от ее губ. Он невольно придвигался все ближе. Лукас тоже закрыл глаза и сосредоточился на осязании. Он осторожно, летящими движениями, поглаживал кончиками пальцев ее ухо, шею, ключицу, плечо. Затем снова поднимался выше.

В таком невидимом путешествии имелись свои откровения. Мочка ее уха оказалась нежнее, чем любая другая, настолько нежнее, что ему вскоре захотелось вновь дотронуться до ее нежной кожи. Потом – ключица. Он и раньше взглядом знатока оценил ее, как человек, спо-

собный оценить архитектурные достоинства, но на ощупь ее ключица стала сочетанием твердых форм и бархатистой кожи; он вел пальцами по изгибам и воображал, как ее руки ласкают его, повторяя его ласки. В груди зародилось приятное тепло; оно подпитывало жар, идущий снизу.

Рукам очень хотелось спуститься ниже, поэтому он снова поднял их и вознаграждал себя, коснувшись невероятно нежной кожи у нее за ухом, где у нее бился пульс – так же часто, как и у него. Затем осторожно провел вдоль ее подбородка и щек, с трудом удерживаясь, чтобы не впиться в нее губами. Он не мог вспомнить, когда в последний раз на него так действовала невинная девушка, когда его охватывало такое мощное желание. Он приказал себе встряхнуться. Пора двигаться вперед или отступать.

– Можно поцеловать вас сейчас? Я остановлюсь, как только скажете.

Ее губы разомкнулись, и с них слетели едва слышные слова, которые как будто проникли прямо ему в сердце.

– Да, пожалуйста...

Он никогда не испытывал такого напряжения при одной лишь мысли о том, что сейчас поцелует женщину! Потребность быть нежным совершенно противоречила его желанию. Но было важно не спугнуть ее. Если она хотя бы частично почувствует, какой огонь терзает его изнутри, она, скорее всего, просто убежит.

Он дотронулся губами до ее губ, и его сразу обожгло, как будто он прикоснулся к пламени под шелковой вуалью. Она задрожала, ее дыхание стало прерывистым, и он сам с трудом удержался, чтобы не дернуться, – в него как будто ударила молния. Он заставлял себя не шевелиться, лишь впитывать ощущения от ее губ. Она дышала часто и прерывисто. Происходящее одновременно было пыткой и лакомством – ничего не происходило, но каждый миг ощущения менялись, рассылая по всему телу искры радости, словно посыльных, которые несли хорошую весть о подготовке к праздничному пиру. Он прижал ладони к ее шее и щеке и слушал, как сильно бьется ее сердце.

Наконец он почувствовал, что в ней что-то изменилось. Дрожь пробежала по всему ее телу, она раскрыла рот, он втянул в себя ее нижнюю губу, и она теснее прижалась к нему. Все его силы уходили на то, чтобы сдерживаться. Пальцами одной руки он зарылся в ее буйные кудри; он медленно поглаживал ее за ухом, медленно пробовал ее губы на вкус.

Вторая рука легла ей на плечо, спустилась на талию; он притянул ее к себе, стараясь не действовать порывисто.

Ее руки, которые раньше висели вдоль корпуса, томно поднялись, ненадолго задержались на лацканах его сюртука. Затем она закинула руки ему на шею, стала перебирать его волосы на затылке и поглаживать кожу головы. Ему захотелось запрокинуть ей голову, крепко обнять, прижать к себе все ее тело. Он хотел, чтобы она тоже почувствовала жар, какой мучил его с тех пор, как он коснулся ее губ своими. Наконец несоответствие между ее внешней робостью и бурным пламенем, которое она подпитывала, заставило его остановиться.

Он отпрянул, но не отпустил ее и не отдалился от ее губ.

– Было неплохо.

Он почувствовал ее теплое дыхание, похожее на легкий средиземноморский бриз. Но ее слова показались ему тусклыми и невнятными. Он нехотя вернулся в действительность.

– Для особы, которая не знала, нравится ли ей целоваться, вы все сделали замечательно, – с трудом выговорил он.

Оливия отстранилась, хотя он по-прежнему обнимал ее за тонкую талию. Она как будто ничего не замечала, да и он не собирался привлекать ее внимание к своим рукам – он и сам пока не был готов ее отпустить. Она стояла, полузакрыв глаза, прикусив губу. Ее нижняя губа, полная и влажная, снова вызвала прилив жара и желания; у него словно надулись паруса при попутном ветре. Затем она посмотрела на него, улыбаясь, и ее улыбка словно ударила его кула-

ком в солнечное сплетение. Не знай он ее лучше, он вполне мог бы предположить, что она задумала его соблазнить. И попытка ей удалась!

– Я рада, что попробовала. Сейчас все было... совсем по-другому, – тихо сказала она.

По-другому... Едва ли не хуже, чем «неплохо». Не дав ему ответить, она сделала шаг назад.

– Вы в самом деле думаете, что сумеете разыскать этого мистера Эддрича?

Лукас направился к двери.

– Сделаю все возможное. Такая жертва с вашей стороны не должна оставаться без награды.

Он не стал дожидаться ее ответа. Будь он проклят, если позволит ей еще раз выставить себя дураком!

Оливия села за стол, глядя на еще открытую дверь кабинета. Вот стукнула дверь черного хода; она вздрогнула, и грезы сменились явью.

Она дотронулась до своей нижней губы. Странное ощущение – губа немного распухла и была чувствительной, как в то время, когда Джек случайно стукнул ее головой, когда они дрались за обладание крокетным молотком. Только сейчас ей совсем не было больно. В тех местах, которых касался лорд Синклер, и в некоторых местах, которых он не касался, она испытывала странное томление. Внутри ее что-то пульсировало. Он как будто содрал с нее несколько слоев защитной шкуры. Она чувствовала себя... очень необычно.

Подумать только, она беспокоилась, что поцелуй в очередной раз напомнит ей о Бертраме!

Теперь, после того, как лорд Синклер ушел, Оливия сама себе удивлялась. Неужели ей хватило дерзости просить его о поцелуе?! Она слишком много ему рассказала, слишком много открыла... Столько она еще никому о себе не рассказывала. Почему он вызвал у нее такое доверие? Должно быть, она сошла с ума.

И пусть она вконец унизилась, у всего есть и светлая сторона. Теперь она знает, что не обречена вспоминать о Бертраме, стоит какому-нибудь мужчине к ней приблизиться. Как ни нравились ей объятия Бертрама до его измены, она не помнила, чтобы испытывала с ним такие же мощные ощущения, как сейчас. Она помнила возбуждение самого Бертрама. Ей нравились нежные слова, которые он шептал ей на ухо, но больше всего нравилось ощущение власти над ним. А потом... все оказалось ложью. То, что произошло сейчас, не идет ни в какое сравнение с прошлым... Она даже не знала, понравилось ли лорду целовать ее, или он просто уступил любопытству и желанию одержать над ней верх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.